

Когда Тань Имин оплатил свой счет и второпях вернулся к столику, он почувствовал, что атмосфера между Яо Инем и Сянь Цаем стала немного странной.

Только что они тепло и гармонично общались, а теперь атмосфера между ними походила на болото. Даже если на поверхность упадет цветок хлопка, то он тут же пойдет ко дну.

Если бы Тань Имин пригляделся к ним повнимательней, то обнаружил бы, что на лице у Сянь Цая просто было написано: «угрызения совести». А вот лицо Яо Иня выражало удивление, как будто он только что узнал кое-что интересное.

- Уже поздно, - Тань Имин потянул Сянь Цая за руку. - Мы идем домой.

Он вел себя как мужчина средних лет, который намеренно хвастался своей любовью, и даже сделал ударение на слове «дом».

Дом - очень странное слово. Всякий раз, когда его кто-то произносит, его рот непроизвольно растягивается с обеих сторон, образуя выражение, похожее на улыбку*. [Прим. англ. пер. Если говорить на китайском.]

Тань Имин любил это слово. До тех пор, пока в его дом не переехал Сянь Цай, это было просто помещение, которое требовало от Тань Имина ежемесячного ипотечного платежа. А теперь, когда Сянь Цай наполнил его белыми розами, растениями в горшках, керамическими кружками и старыми танцевальными туфлями, это место стало «домом».

И теперь они с Сянь Цаем собирались поехать домой.

Тань Имин намеренно взял Сянь Цая перед Яо Инем за руку. Морально он уже приготовился. Если бы Сянь Цай ударил его по кисти, он сделал бы вид, что это прикосновение было случайным. Он не показал бы на своем лице ни малейшей реакции.

Но... неожиданно Сянь Цай удержал его руку, и не просто удержал, а переплел вместе их пальцы. Юноша просунул кончики своих пальцев между пальцами Тань Имина и медленно, но решительно смешал вместе тепло их ладоней.

Внешне лицо Тань Имина осталось спокойным, но если бы в тот момент кто-нибудь подключил бы к нему двигатель, работающий от сердцебиения, то он определенно смог бы добиться прогресса в развитии технологий человечества.

Он даже задавался вопросом, не примерещилось ли ему это все? Он неосознанно напряг пальцы, слегка ущипнул руку Сянь Цая, а затем сжал ее сильнее.

И Сянь Цай с силой сжал ему руку в ответ.

Их ладони соединились, а пульсы бились в унисон. В этот момент Тань Имин почувствовал, как наполнилась его душа, он никогда не был так счастлив.

Тань Имин не знал, почему до этого Сянь Цай колебался, а теперь так внезапно принял его чувства, он не знал, о чем говорили Сянь Цай и Яо Инь за несколько минут его отсутствия. Однако больше его не волновали все эти вещи – Тань Имин просто хотел сейчас же вернуться домой.

И забрать домой своего Цайцяя.

Тань Имин даже не помнил, как распрощался с Яо Инем. В ошеломлении он повел Сянь Цая на парковку, крепко держа того за руку, как будто схватил красивый воздушный шар, который мог взлететь в небо в любую секунду.

Снегопад становился все сильнее и сильнее. Крохотные снежинки превратились в хлопья снега.

По дороге домой они видели, как много людей, не утерпев, уже запускали фейерверки. Сянь Цай выглянул из окна машины и увидел пурпурные, золотистые и красные огни, которые неслись к небу, прорывали снежную завесу и освещали ночное небо и их путь вперед.

И они ехали к тому самому месту, где взорвался фейерверк.

.....

В гостиной было светло.

Тань Имин так торопился уйти из дома, что забыл выключить свет в комнате. Ингредиенты для горячего горшка он приготовил заранее и поставил на обеденный стол, овощи помыл и аккуратно разложил один к одному на тарелках. Грибной суп-основа, приготовленный им перед выходом, все еще варился в кастрюле, а огонь был переведен в режим подогрева. Комнату заполнил нежный аромат супа.

Все это создавало в доме жилую, уютную атмосферу.

Спавший в террариуме Дабао услышал, как открывается дверь, лениво открыл глаза и взглянул на двух хозяев. Его длинный хвост дернулся перед тем, как он снова погрузился в сон.

Они вдвоем протиснулись в коридор, чтобы снять пальто. Сянь Цай боялся холода, и поэтому его пуховик был почти до отказа набит наполнителем, что делало его похожим на ароматный и пышный хлеб.

Подошвы их обуви были покрыты снегом, и на белом кафельном полу остались грязные следы. Тань Имин быстро достал швабру и вытер их начисто. Сянь Цай прошел на кухню и увидел, что ингредиенты для горячего горшка стоят на столе. Он подумал о потрясающем ужине, который только что съел в ресторане, и его сердце снова сжалось.

- Хочешь убрать эту посуду? - спросил Сянь Цай.

- Ты наелся в ресторане? - ответил вопросом на вопрос Тань Имин.

- ... - Сянь Цай покраснел и помотал головой.

Тань Имин расхохотался и откровенно заявил, что он тоже не наелся. Но было уже очень поздно. Если бы они сейчас съели горячий горшок, то точно бы не уснули ночью.

Поэтому Тань Имин просто сварил лапшу в грибном супе, посыпал ее ломтиками говядины, тофу, рыбными и креветочными шариками, а затем взял овощи и бросил их сверху для украшения блюда. Через десять минут две миски дымящейся еды были готовы.

Посреди ночи они сидели бок о бок за обеденным столом, их руки и ноги касались друг друга...

Сянь Цай был готов поклясться, что это была самая вкусная миска лапши, которую он когда-либо ел в своей жизни. Лапша была очень горячей, поэтому он дул на нее, пока ел. Тань Имин повернул голову, засмотрелся на него, и потихоньку забыл о том, что лежало в его миске.

Два человека, одна комната, три приема пищи, четыре сезона*. Тань Имин знал, что это и была та жизнь, к которой он стремился всей душой. [Прим. англ. пер. =любовники (два человека), которые проводят вместе (одна комната) весь день (три приема пищи) и весь год (четыре сезона), означает возлюбленных на всю жизнь.]

Конечно же Сянь Цай знал, что Тань Имин наблюдает за ним. Он снова застеснялся, как только вспомнил свою смелую речь, обращенную к Яо Иню. Сянь Цай не смел поглядеть на Тань Имина в ответ и только смущенно совал в рот один кусок лапши за другим. Его лоб вспотел, а кончики ушей, щеки и даже нос покраснели.

- Неужели тебе так жарко? - намеренно поддразнил его Тань Имин.

- Не жарко... - пробормотал Сянь Цай. - Нет, да, это слишком остро...

Но в лапше вообще не было перца чили. Он слышал поговорку, что если бы алкоголь не пьянил, то люди нашли бы способ напиться без него. Сянь Цай был членом нового поколения сторонников этой философии.

Поужинав, Сянь Цай собирался вернуться в свою комнату. Тань Имин его остановил и попросил подождать.

- У меня есть для тебя подарок, - сказал он мягко. - Это не дорогая вещь, но думаю, что ты можешь ей пользоваться.

Он вытащил большую, тяжелую и раздутую сумку. Сянь Цай заглянул в нее и, к своему удивлению, обнаружил, что она была целиком забита пакетиками традиционных китайских лечебных отваров в пластиковых упаковках.

- Что это? - ошеломленно спросил Сянь Цай. - Это тоники?

Он считал, что у него хорошее здоровье, и китайские лечебные тонизирующие средства ему пить не нужно.

- Это не для питья, - рассмеялся Тань Имин. - Разве у тебя часто ноги не мерзнут? В том районе, куда я ездил по делам, есть известная китайская аптека. Я поговорил со старым доктором в магазине о твоих симптомах и попросил его прописать тебе лекарство. Здесь тридцать заранее прокипяченных и профильтрованных упаковок. Если делать каждый вечер ванночки с этим лекарством, то оно может прогнать холод и укрепить твои кости.

Сказав это, он достал из сумки пакет с лечебным тоником, подержал в руке и добавил:

- ...Я не знаю подробностей о твоей болезни. Старый доктор сказал мне сначала попробовать делать это в течение одного месяца. Если лекарство не работает, он может скорректировать рецепт.

Только одна упаковка этого лекарства весила половину катти*. [Прим. англ. пер. 0,6 фунта, 0,3 кг.] Все тридцать пачек невозможно было перевезти на самолете, поэтому Тань Имину пришлось пересесть на высокоскоростной поезд и тащить их домой на своем горбу.

В глубине души Тань Имин знал, что причина того, что ноги Сянь Цая постоянно мерзнут, связана с десятками перекрещивающихся шрамов, самый длинный из которых протянулся через всю верхнюю часть его стопы. Тань Имин и представить себе не мог, что испытал Сянь Цай.

Хотя Тань Имин не мог задавать вопросы, он мог наблюдать. Сянь Цая было лишь чуть за двадцать, но он очень боялся холода. Летом, даже при отключенном кондиционере, ему приходилось носить носки. Зимой он надевал две пары шерстяных носок друг на друга вместе с утепленными ботинками.

Сянь Цай любил танцевать, но его ноги не могли нести танцора.

Тань Имину было его очень жалко, поэтому он привез издалека эти традиционные китайские тонизирующие лекарства, чтобы облегчить боль в его ногах.

Когда Сянь Цай принимал подарок, в уголках его рта все еще держалась ошеломленная улыбка, но когда он осознал лечебный эффект этих отваров, улыбка постепенно исчезла.

Он туго уставился на подарок в своих руках. 30 упаковок целебных отваров, 30 пакетов явных любовных намерений и 30 мешочков невысказанной заботы и нежности.

Некогда Сянь Цай думал, что сможет «отвернуться и смотреть в сторону», когда речь пойдет о его травмированных стопах. Его реабилитация была признана успешной; все эти годы он принимал пищевые добавки с кальцием, летом он носил шлепанцы, как и все его сверстники... Он больше не размышлял о своей травме столько, сколько пять лет назад.

Но в ту секунду, когда перед ним оказались лекарственные отвары, он будто снова увидел себя, просыпающегося и плачущего на больничной койке. Оказалось... что хрупкий и беспомощный мальчик того времени никуда не исчез.

.....

Сянь Цай сидел на диване, штанины его пижамы были закатаны до колен. Он тщательно проверил температуру воды в тазике. Она была немного горячей, но весьма комфортной.

Он вытащил ноги из плюшевых тапочек, стянул махровые носки и выставил бледные ступни на свет.

Лекарственный отвар добавили в тазик заранее и темно-коричневый концентрат окрасил воду в светло-коричневый цвет. В воздухе был разлит аромат китайских целебных трав. Тань Имин присел у тазика на корточки, наблюдая, как покрытые шрамами ноги Сянь Цая погружаются в лечебную ванну.

- Ай... - невольно ойкнул юноша.

- Горячо? - торопливо спросил Тань Имин.

- Немного, но через некоторое время должно стать лучше, - Сянь Цай не привык к тому, что Тань Имин на него смотрит, и немного занервничал, потирая подъем левой ступни правой.

Но Тань Имин понял его действия неверно.

- Твои раны все еще чешутся?

- Как такое может быть? - беспомощно ответил Сянь Цай. - Это старые раны из давнего прошлого, как они вообще могут чесаться? На самом деле тебе не нужно из-за этого переживать, они болят только когда идет дождь или снег.

Все это были последствия переломов. Даже если кости человека срастаются хорошо, когда погода не очень, вокруг заживающих ран будет ощущаться тупая боль. Ну а если речь шла о таких ранах, которые были у Сянь Цая, когда одни шрамы накладываются на другие, то в этом случае боль была такой же, как будто его ноги попадали в ледяную пещеру. Он чувствовал холод, пронзающий кости.

- Когда идет дождь или снег... - пробормотал Тань Имин.

Сегодня вечером шел снег.

Обычным людям падающий снег в новогоднюю ночь кажется романтичным. Однако для Сянь Цая это была пытка, капкан, который каждую секунду терзал его ноги.

Тань Имин припомнил, что, когда с актером на главной роли в мюзикле «Пришла первая любовь» случилось несчастье на сцене, и Сянь Цая пришлось лететь в Хуачен из Чэнду, в день его приземления в Хуачене шел дождь. Добравшись до театра, Сянь Цай не передохнул ни на минутку. Он нанес грим, поспешил на сцену, пел и танцевал там два часа, а в конце ему пришлось выполнить очень опасную поддержку...

- Как ты выдержал? - спросил его Тань Имин. - Тебе не было больно?

- Конечно, было больно, - улыбнулся Сянь Цай. - Но чем больше мне больно, тем больше я к этому привыкаю.

Он был словно русалочка из сказки, каждый шаг которой приносил ей такую боль, как будто она ступала по ножам. Он привык улыбаться сквозь боль.

У Тань Имина дернулся кадык, и он тяжело вздохнул.

- Ты знаешь, сколько костей в человеческой ступне? - юноша опустил глаза и спокойно посмотрел на свою ногу. Он наклонился, опустил ладонь в лечебную ванну и сам ответил на свой вопрос:

- Двадцать шесть.

Лекарственный отвар был полупрозрачным, светло-коричневого цвета, так что сквозь него был виден большой палец Сянь Цая, который медленно опускался на самый длинный шрам на правой ноге. Палец прижался ко второй плюсневой кости.

- Эта кость была раздроблена на три части.

Потом был подъем.

- Здесь - два стальных штыря.

Потом дошла очередь до пятки.

- Здесь был оскольчатый перелом пяточной кости. Врач долго вынимал обломки.

Его рука медленно поднялась и снова опустилась на лодыжку.

- Костная мозоль здесь очень толстая, но в холодную погоду все равно сильно болит.

В конце концов рука обхватила лодыжку, а большой палец потерял ахиллово сухожилие.

- Операцию в этом месте делали дважды. Первая не удалась, а вторая помогла мне снова встать на ноги.

Это был первый раз, когда он рассказывал кому-то о своем прошлом. Он думал, что расплатится, и у него будут стучать зубы, но нет... ничего такого не произошло. Он говорил спокойным тоном, таким спокойным, будто рассказывал историю какого-то другого человека.

Он говорил много. Он рассказал о своей вечно ссорившейся семье, о родителях, наделавших долгов из-за азартных игр, и о машине, которая сбила его и несколько раз переехала ему ноги.

Когда-то он был гордостью школы. Одноклассники ласково называли его маленьким принцем балета. Но когда он очнулся на больничной койке, оказалось, что он потерял все.

В том году Сянь Цай упал с неба на дно долины. Он был лебедем, который мог летать высоко в небесах, но забыл, как махать крыльями.

Тань Имин посмотрел на лицо Сянь Цая. Он хотел утереть ему слезы, но обнаружил, что плачет сам. Он задавался вопросом: не сделал ли он что-нибудь не так? Он не должен был так опрометчиво дарить свой подарок и провоцировать болезненные воспоминания.

- Когда я перевелся на музыкально-танцевальное отделение, это оказалось для меня немного вредным, - с усмешкой сказал Сянь Цай. - В моем восприятии - а я уже не мог танцевать балет - музыкально-танцевальное отделение все-таки имело хоть какое-то отношение к танцам, поэтому я и выбрал его за неимением лучшего.

- Но... - Сянь Цай встал и посмотрел Тань Имину в глаза. - Ты заставил меня понять, что звук тоже может передавать эмоции.

Звук плача, звук смеха, звук счастья, звук боли.

Семнадцатилетнего Сянь Цая тронул голос Ван Цинъюня. Каждую ночь он засыпал, слушая его голос, подражая интонации из его реплик, фантазируя о том, что он сможет так же сыграть на сцене радость и печаль. Именно Ван Цинъюнь вывел тогдашнего мальчишку из жизненного тупика. Ван Цинъюнь помог ему снова надеть балетные туфли и отправиться на отбор на роль Билли Эллиота. А когда Сянь Цай провалился, он принял свое несовершенное «я».

Ван Цинъюнь стал первым, кто заставил сердце Цайца забиться чаще. Возможно, тогда это еще не было настоящей любовью, - это был лишь зародыш любви.

А теперь эта любовь вылупилась из яйца.

Мальчик в балетных туфлях прошел через эти пять лет. Он вырос из мальчика в молодого человека, а его чувство неполноценности выросло в уверенность в себе.

Он стоял перед Тань Имином, раскрывая о себе все.

И что хотел знать Сянь Цай, так это...

- Можешь ли ты принять меня таким? - тихо спросил Сянь Цай. Он поднял правую ногу из тастика с уже остывшей водой и поставил ее прямо на колено Тань Имина, оставив темное влажное пятно.

- У меня нет семьи, - сказал Сянь Цай, - только два или три близких друга и огромное количество танцевальных туфель, которые я ношу. Я состоял в отношениях, но не знаю, как с ними справляться. Я получил травму - она пришлась не только на ноги, но больше - на мое сердце.

- На самом деле я очень импульсивен и наивен, - продолжил Сянь Цай, - но иногда я смертельно осторожен.

- Я совсем никуда не гожусь, - сказал он наконец, - я вовсе не гордый и выдающийся Маленький Лебедь, которым ты меня себе представляешь.

В ответ Тань Имин взял в ладони его правую ступню и торжественно поцеловал ее. Горячие поцелуи упали на пальцы ног, ступню и лодыжку. Тань Имин целовал шрамы, которые наложились друг на друга, и все следы, которые оставило время.

- Я люблю тебя, - ответил Тань Имин. - И конечно же, я люблю тебя всего.

Тань Имин никогда не влюблялся в Маленького Лебедя. Он был влюблен в Сянь Цая, который тосковал по небу, хотя уже давно свалился в бездну.

Автору есть, что сказать.

Цайцай, кое-кто всегда будет вместе с тобой.

<http://bllate.org/book/13905/1225530>